

ER

*Джейми, моей невесте,
которая отлично меня знает
и тем не менее любит*

1

Джаннера Игиби разбудил не шум, а тишина. Что-то случилось.

Он заставил себя сесть и поморщился от боли в шее, плечах и ногах. Каждое движение напоминало мальчику о ранах, нанесённых когтями и зубами.

Обладателя этих зубов и когтей он ожидал увидеть спящим на соседней койке, однако брата в каюте не было. Солнечный свет лился в иллюминатор и скользил туда-сюда по пустому матрасу как маятник, в такт качке. Одеядо и простыня валялись на полу, что, впрочем, Джаннера не удивило: Кальмар и дома в Глибвуде никогда не заправлял постель. Удивительней всего было его отсутствие.

Несколько недель подряд Джаннер и Кальмар не вылезали из постели — Джаннер выздоравливал от ран, а Кальмар составлял ему компанию. Каждое утро, просыпаясь, Джаннер видел своего мохнатого брата на соседней койке, как правило, с альбомом на коленях. Поскрипывание пера звучало успокаивающе, как птичье пение. Обычно Джаннер лежал несколько минут с закрытыми глазами, прислу-

шиваясь к дыханию Кальмара и напоминая себе, что это существо на самом деле его младший братишка. Он никак не мог привыкнуть к новой внешности Кальмара и к хриплому рычанию, которым порой обрывался его мальчишеский голос. Зато дыхание оставалось прежним — и взгляд тоже. Если порой Джаннер сомневался — достаточно было заглянуть в эти ясные синие глаза, чтобы вспомнить, что под волчьей шкурой скрывается маленький мальчик.

Джаннер сделал глубокий вдох и спустил забинтованные ноги на пол. Раны заныли; он поморщился, увидев на бинтах тёмные пятна. Нии и Лили придётся делать перевязку, а значит, опять будет больно. Ему пришлось собрать все силы, чтобы встать; он редко это делал в одиночку. Мальчик содрогнулся при воспоминании о том дне, когда получил эти раны. Ледяная вода, в которую он прыгнул вслед за Кальмаром, жгучая боль от когтей, врывающихся в бёдра, царапающих спину и рвущих рубашку в лоскуты... и самое страшное — острые зубы, которые кусали Джаннера за плечи и за шею. Зубы брата.

Корабль скрипнул, и вновь настала тишина. Судно казалось живым существом. Оно стонало, как старик во сне; оно кашляло, когда надувались паруса; оно вздыхало, когда дул попутный ветер. Моряки весь день напролёт перекрикивались и смеялись, и даже ночью Джаннер слышал плеск волн о корпус и негромкие голоса вахтенных.

Сердцем корабля был Подо Рулевой. Одноногий старик ходил с носа на корму, с правого борта на левый, и его деревяшка отбивала такт до глубокой ночи, словно одушевляя корабль. Голос старого пирата неумолчно гремел и рокотал; если Джаннер вдруг начинал гадать, куда делся Подо, достаточно было прислушаться на мгновение, чтобы услышать отрывистую команду, взрыв хохота или стук деревяшки по палубе.

Но сердце корабля вдруг перестало биться, и это разбудило Джаннера. Ни странное спокойствие моря, ни ти-

шина на палубе, ни даже отсутствие Кальмара не было таким тревожным, как молчание Подо Рулевого. Старик словно исчез.

А потом, как будто нарочно чтобы усилить тревогу Джаннера, повеяло дымом. Джаннер встал — слишком резко. От боли в ногах, шее и спине у него закружилась голова, но мальчика это не остановило. Он должен выяснить, что происходит на палубе, хотя бы для того, чтобы убедиться, что ему не снится кошмар.

Джаннер сделал три шага к трапу, и дверь распахнулась. В каюту хлынул свет.

— Джаннер, мальчик мой, зачем ты встал? Как выразился Милдреш Энворт: «Твой когтистый брат нанёс тебе тяжкие раны!» — Объёмистый живот Оскара Н. Ритипа, показавшись в дверях, заслонило солнце, как во время затмения.

— Господин Ритип, что случилось? Куда все делись? Почему пахнет дымом?

Джаннер шагнул вперёд и снова скривился от боли в ногах.

Оскар, переваливаясь, спустился по трапу:

— Ну-ну, успокойся. Вот так, паренёк... — Он взял Джаннера под руку, помогая ему устоять.

— Что случилось? — повторил Джаннер.

Оскар поправил очки и вытер потную лысину:

— Всё в порядке, мальчуган. Всё в порядке.

Оскар, который раньше целыми днями попыхивал трубкой за столом в задней комнате «Книг и всякой всячины» и лишь читал о настоящих приключениях, но никогда не ступал на палубу корабля, стал почти заправским моряком. Он был бос, в подсученных штанах и безрукавке, которая позволяла ему щеголять новенькой татуировкой. Хотя Оскар ничуть не похудел, выглядел он гораздо здоровее.

— Если всё в порядке, почему пахнет дымом? Клыки вернулись?

Семеро Клыков, которых они взяли в плен после бегства из Кимеры, дичали с каждым днём. Они выли и царапали стены, и стало ясно, что они не остановятся, пока не проломают обшивку. Кимерцы хотели казнить пленников, однако Ния не позволила. Спустя две недели Подо распорядился посадить Клыков в маленькую шлюпку, дав им кувшин воды. Он убедил остальных, что это ничуть не хуже казни, а если Создатель хочет, чтобы Клыки выжили, Он сам им поможет. С тех пор Джаннер много ночей лежал без сна, воображая, что Клыки каким-то образом догнали корабль, тихонько влезли на борт и перебили всех на судне.

Оскар, поднявшись на первую ступеньку, небрежно махнул рукой:

— Что ты, их давно нет. Это твоя мать послала меня за тобой. — Он посерьёзней. — Ты должен кое-что увидеть.

Джаннеру всегда казалось, что взрослые слишком тянут с ответами. Ноги у него так болели, что восемь ступенек трапа представлялись ему очень долгим путём; столько ждать он не хотел.

— В чём дело? Ну пожалуйста, господин Ритип!

— Нет, дружок. Это надо видеть своими глазами. Ну, соберись с силами, и пошли.

Джаннер ухватился за плечо старого друга и двинулся вверх по трапу. Когда глаза привыкли к свету, он впервые со дня отплытия увидел открытое море. Джаннер видел водную гладь, без конца и края уходящую на восток, с высоты Глибвудских утёсов и в тот день, когда они бежали из холодной гавани, окружённой белыми скалами. Но теперь море окружало мальчика со всех сторон. У него захватило дух. Тёмное море тьмы было огромным и ужасным; у Джаннера заколотилось сердце и закружилась голова... и он сразу влюбился в море.

Он вспомнил рисунок, изображающий юного Эсбена в открытом море, в день его рождения. Джаннер зачарованно часами смотрел на этот рисунок и мечтал однажды

пережить то же самое. Солёный запах, блеск солнца на воде, память об отцовской любви к морю нахлынули, как приливная волна, и у него сжалось сердце.

Восторг спал, когда ветер переменялся и Джаннер вновь почувал едкий запах дыма. Мальчик отвёл взгляд от моря и обнаружил, что все стоят на палубе, молча глядя на затянутое облаками небо на юге. Среди моряков виднелась высокая красивая женщина, которая левой рукой обнимала за плечи хромую девочку, а правой — маленького Серого Клыка. Рядом стоял Подо — без рубашки, держа в руке нечто вроде дубинки.

— Пойдём, дружок, — сказал Оскар.

Ния, Лили, Кальмар и Подо повернулись к Джаннеру.

Вид родных придавал мальчику сил. Он отпустил руку Оскара и заковылял к матери. Ноги, плечи и спина так и горели, но его это уже не волновало. А главным было — ладонь Подо у него на макушке, щека Лили, прижавшаяся к его плечу, материнские объятия, которые ничуть не разбередили раны, и робкое прикосновение Кальмара.

Джаннер почувствовал сквозь одежду когти брата и невольно поморщился. Неприязнь была мимолётная, но её хватило, чтобы разрушить чары.

— Доброе утро, сынок, — сказала Ния, коснувшись лица Джаннера. Она улыбнулась сыну, но в её глазах была печаль, и Джаннер понял, что она недавно плакала.

Лили молчала. Она просто держала брата за руку и смотрела на серый горизонт.

— Мама, в чём дело? — спросил Джаннер. — Почему никто не хочет сказать мне, что случилось?

Ния помогла ему подойти к борту и указала на горизонт:

— Смотри.

Но Джаннер не видел ничего необычного. Море было зловеще спокойным; оно как будто затаило дыхание. Казалось, корабль зашёл на чужую территорию. Но смотреть было решительно не на что! Все вокруг на что-то

глазели, а Джаннер видел одни только облака. Потом он вспомнил запах дыма, и до него дошло:

— Это не облака.

Подо переступил с ноги на ногу и покачал головой:

— Нет, паренёк, не облака.

— Это дым, — догадался Джаннер.

Все карты, которые он когда-либо рассматривал, пронеслись перед его мысленным взором. Мимо летели континенты и страны, с их реками, горами и лесами. Он видел Скри, Фубские острова, беспредельную гладь Тёмного моря тьмы, лежащие на востоке Зелёные лощины. К югу от них, неподалёку от северо-западного побережья Даня, находился маленький остров...

— Анниера, — произнёс Джаннер. — Сияющий Остров.

— Да, мальчуган. Девять долгих лет прошло, а он ещё горит, — ответил Подо.

2

Если до сих пор Анниера казалась Джаннеру сказкой, теперь все сомнения развеялись.

Его убедили не ужасный дым и не запах гари, а лицо матери. Как будто все бури Тёмного моря собрались в глазах Нии Ветрокрыл. Джаннер увидел на её лице скорбь, гнев, боль и страх; эти чувства перехлёстывали друг друга, как волны, будоража глубокие воды памяти. И Джаннер поверил в Анниеру. Поверил, потому что для Нии Анниера была не сказкой, а воспоминанием. Она гуляла там об руку с человеком, которого любила. Там родились её дети. Она жила там и дышала воздухом легендарного Сияющего Острова.

Джаннер смотрел на серое море и витающий над ним чёрный дым. Он сочувствовал потере Нии и горевал о своей утрате. Он тоже, как и Ния, лишился дома. Джаннер с тоской думал о старом домике, стоящем теперь пустым и тёмным, о городке Глибвуд, превратившемся в развалины. Как же Ния должна была тосковать по своему королевству, своему городу, своим подданным — и своему мужу!

С того самого дня, как Игиби покинули Глибвуд, они только и делали, что перебирались с места на место. Из лесного замка дяди Артама — на Восточную излучину реки Блап, из Дагтауна — в Кимеру... а теперь они плыли через Тёмное море в Зелёные лощины, лежащие где-то за горизонтом.

Джаннеру надоело бегать. Ему хотелось найти место, которое он мог бы назвать своим домом. Место, где не бродят Клыки, где береговики никому не пытаются перерезать горло, где Игиби наконец вздохнут спокойно. Он мечтал об отдыхе. Он даже подумал: а что, если известия о гибели Анниеры ложь? А вдруг на острове его мечты ещё можно как-то устроиться; вдруг им даже удалось бы поселиться в замке Ризен, где он родился. В настоящем замке!

При мысли о собственной глупости Джаннер покраснел. Ему шёл тринадцатый год, но он уже знал, что жизнь мало похожа на рассказы в книжках. И всё-таки до сих пор он позволял себе втайне надеяться, что белые берега Анниеры ждут его. Теперь надежда сгорела и развеялась вместе с дымом.

— Мама, почему он ещё горит? — спросила Лили.

Ния закусила губу, и её глаза наполнились слезами. Он промолчала; вместо дочери ответил Подо:

— Не знаю, внучка. Наверное, нужно много лет, чтобы сжечь всё дотла.

— Девять лет? — недоверчиво уточнил Кальмар.

Ния вытерла глаза. Когда она заговорила, Джаннер услышал в голосе матери гневную дрожь:

— В душе Нага довольно ненависти, чтобы расплавить основание замка и добраться до самого сердца острова. Он не успокоится, пока Анниера не уйдёт на морское дно.

— Но почему? — спросил Джаннер. — За что он её так ненавидит? И вообще — кто он такой?

— Кто знает... Когда ненависть кипит слишком долго, она уже не нуждается в причинах. Она пылает ради са-

мой себя и пожирает всё на своём пути. Перед войной до вашего отца доходили слухи о таящемся в горах зле... но Трог так далеко от Анниеры. Мы и не думали, что зло доберётся до нас. — Ния закрыла глаза. — Когда мы поняли, что Клыки собираются напасть на Анниеру, было уже слишком поздно. Ваш отец думал, что Симианский пролив защитит нас или хотя бы даст нам время укрепить оборону... — Она покачала головой и взглянула на детей. — Наг возник словно из ниоткуда. Как молния. Он желал гибели Анниере и нам.

— Но мы не нужны ему мёртвыми, мама, — напомнила Лили. — Мы спаслись только потому, что нужны Нагу живыми.

Ния вздохнула:

— Ты права. И я ничего не понимаю. Но Нагу, очевидно, известно то, что я знала с самого вашего рождения... — Она опустила голову на колени, спиной к дымному небу, и пристально взглянула на детей. — Он знает, что вы необыкновенные. Вы ценнее, чем можете себе представить. Похоже, Наг создал Клыков из людей...

Кальмар отвёл глаза и прижал уши, как испуганная собачонка. Ния притянула сына к себе.

— Но когда он напал на Анниеру, я увидела таких ужасных чудовищ, что и описать нельзя. Наг завладел древними тайнами. Тайнами камней и песен. Тайнами, про которые что-то знал Эсбен... ваш отец.

Каждый раз, слыша имя Эсбена, Джаннер ощущал трепет. Ему до сих пор не верилось, что его отец был королём. Но разговоры о власти, древних тайнах и камнях пугали мальчика.

Действительно, они, все трое, умели делать то, чему Джаннер не находил объяснения. Пение Лили соединяло детей Игиби, даже если они находились за много миль друг от друга. Когда девочка пела или играла, Джаннер слышал морских драконов. Их голоса гудели у него в го-

